

ЕВГЕНИЙ СУРМИН

**КРАСНЫЙ
ЖУК**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С90

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 21

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Сурмин, Евгений Викторович

С90 Красный жук: роман / Евгений Сурмин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2022. — 384 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-149688-3

Они все — будущие бойцы специальной разведывательно-диверсионной бригады Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной армии. И Иван Жуков, с позывным Жук, теперь знает, для чего нужны были изнурительные тренировки и безжалостные требования инструкторов, прошедших Зимнюю войну и Халхин-Гол, для чего курсантам нужны умения зарываться в землю и владение подручными средствами в качестве оружия, а также множество других хитрых навыков.

А Командир их курсов — да, только так все называют начальника спецшколы — откуда-то знает, что ожидает их всех и страну в ближайшие 1940-е годы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149688-3

© Евгений Сурмин, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Автор выражает благодарность
Дунаевской Виктории Васильевне
и Макеевой Надежде Витальевне
за неоценимую помощь
в работе над этой книгой*

ПРОЛОГ

Михаил Ильич Кошкин проснулся от скрипа открывшейся двери. В палату, что-то весело насвистывая, вошёл его лечащий врач Александр Николаевич в сопровождении нескольких человек — судя по медицинским халатам и стетоскопам, тоже докторов — и медсестры Олечки.

— Ну-с, Михаил Ильич, как вы себя чувствуете?

— Знаете, доктор, кажется, лучше. По-моему, и температура спала, и дышать легче. — В опровержение своих слов Михаил Ильич закашлял, сплёвывая мокроту в тазик, стоящий рядом с кроватью. — Простите.

— Что вы, милейший, кашляйте на здоровье. Кашель — это, знаете ли, привилегия живых.

Александр Николаевич присел на табурет и с напускной строгостью посмотрел на больного:

— Так вот, Михаил Ильич, мы с коллегами снимки посмотрели, и могу ответственно заявить: кризис миновал. Организм с воспалением в лёгких справился, теперь полный покой и хороший уход, и через месяц, если мы вас совсем не залечим, будете как новенький. Итак, коллеги, приступим к осмотру.

Через полчаса тщательно осмотренный и напоенный микстурами главный конструктор КБ-520 осознал, что кризис действительно миновал. Впервые за последние недели появилась ясность мысли, и стало чуть легче бороться за каждый глоток воздуха, преодолевая боль в мышцах спины и живота. Михаил Ильич снова откашлялся. Болезнь отступила из лёгких, но образно говоря, ещё крепко держала конструктора за горло.

«А ведь по краю прошёл. Надо бы найти того командира», — мысленно вернулся Михаил Ильич к событиям конца сентября 1939 года.

Он был в одной из московских командировок. В холле гостиницы «Москва» к нему подошёл военный и попросил уделить ему немного времени. Михаил, как всегда, торопился, в Кубинке в эти дни решалась судьба его опытных танков А-20 и А-32, но и отказать в такой малости человеку с орденом Ленина на кителе было бы неправильно.

В итоге, когда они устроились за угловым столиком подальше от любопытных глаз и ушей, военный передал Михаилу Ильичу два листа ватмана. На каждом листе было изображено по танку в трёх проекциях — явно любительские карандашные рисунки. Тем не менее они давали достаточное понимание конструктивных особенностей обеих машин.

Сказать, что Кошкин удивился, было бы все равно, что ничего не сказать: меньше всего он ожидал увидеть на рисунках почти «свои» танки. На первом листе был доработанный, но бесспорно узнаваемый его перспективный А-32. А на втором — танк с более массивной башней и, скорее всего, 85-миллиметровым орудием, но опять же с его, Кошкина, ходовой и корпусом. Таким мог стать танк следующего поколения, созданный на основе А-32.

— Откуда это у вас?

Командир, капитан-пехотинец, если судить по знакам различия, дотронулся указательным пальцем до своего виска.

— Михаил Ильич, я не буду спрашивать вас, верите ли вы в мистику, просто изложу факты, а потом поступайте, как сочтёте нужным. Я был тяжело ранен на Халхин-Голе, пережил клиническую смерть. А выходили меня монахи, то ли буддисты, то ли ещё кто. Уж не знаю, что они там накрутили в моей карме, но танк с маленькой башней я видел во сне. Не перебивайте, — командир предупреждающе поднял руку, — я расскажу и уйду, так будет быстрее, а вы потом сами решите, сумасшедший я или нет. Так вот, этот танк в следующем году под вашим руководством перегоняли из Харькова в Москву, чтобы набрать недостающий пробег и запустить машину в серию.

«Сумасшедший? Провокация? Чья-то злая шутка?» Кошкин смотрел в спокойные глаза капитана и не мог отделаться от желания скосить взгляд на ватман. Второй танк с большой башней был красив и опасен. Опытному танкостроителю уже по обводам было ясно, что это будет удачная боевая машина.

— Вы меня не слушаете, Михаил Ильич.

— Что? Простите, задумался.

— Второй танк в моём сне называли Т-34-85, его сделают, кажется, в конце сорок второго. Но вы, к сожалению, в его разработке принимать участие не будете.

— Почему?

— К тому времени вас не будет. Простудитесь при перегоне своих танков в Москву, подхватите воспаление лёгких и в следующем году умрёте. — Военный встал. — Поэтому, Михаил Ильич, поверите вы мне или нет, прошу, берегите себя. Механиков-тан-

кистов всё-таки больше, чем главных конструкторов, а стране скоро понадобятся хорошие танки. Рисунки я вам оставляю. До свидания.

«А я даже его имени не спросил. А когда на обратном пути в Харьков танк, проломив лёд, ушёл в воду, ведь испугался, хотел со всеми броситься в реку, но перед глазами встал этот спокойный капитан. Испугался не столько умереть, сколько не принять участие в создании большебашенной „тридцатьчетвёрки“. И всё равно еле выкарабкался».

Конструктор закашлял и, повернувшись на бок, сплюнул. Его взгляд скользнул по вчерашней, от 25 сентября 1940 года, газете, оставленной на низенькой тумбочке; не задержавшись на мелких буквах, переместился на начинающую желтеть зелень за окном. Конструктор откинулся на подушки, закрыл глаза и задремал.

НАЧАЛО

Если вспоминать по порядку, всё началось с того, что комроты Валерий Потешкин сразу после праздника, 2 января 1941 года, в четверг, осчастливил Ивана Жукова направлением на курсы младших командиров. Сборы были недолгими, и через несколько дней Иван, младший сержант, ещё месяц назад бывший отделённым командиром 30-го стрелкового полка 64-й стрелковой дивизии 44-го стрелкового корпуса, обладатель значка «Ворошиловский стрелок», уже трясся в кузове грузовика, катившего по разбитой просёлочной дороге. Ехали колонной из восьми полуторок и здорового автобуса.

Автобус был примечательным от кончиков колёс до большой антенны на крыше. Первое, что броса-

лось в глаза, — это размеры: чудище, казалось, съело своего собрата и увеличилось вдвое (как потом оказалось, отчасти так и было). Второе — необычная раскраска посередине кузова с очень детальным рисунком: здоровенный медведь, закованный в стальные доспехи и обвешанный каким-то непонятным, но однозначно устрашающим оружием.

Медведь стоял на задних лапах и упоённо палил из чего-то здоровенного. После долгих споров парни решили, что это может быть или пулемёт, или ручная пушка, созданная не иначе как сумрачным гением где-то в секретной лаборатории. Косолапый был стопроцентно наш, рабоче-крестьянский, о чём недвусмысленно заявляли будёновка с красной звездой и балалайка. А его огневая мощь, пожалуй, превосходила новейший танк КВ. После недолгого спора коллектив единогласно решил, что амба тем буржуйам, которые по своей несусветной глупости попадут в Мишкин лес.

Часа в два, если судить по солнцу, колонна сделала остановку, чтобы размять ноги, и неожиданно получила сухпай. Сопровождающий капитан приказал обедать сидя в кузове, воду можно было взять в стоящей метрах в десяти от дороги бочке. Опытные и уже успевшие послужить бойцы приуныли: похоже, ехать придётся ещё долго. Конечно, ехать — это не идти, но однообразный лесной пейзаж и жёсткие лавки достали уже всех.

Сухпайки были, мягко говоря, необычные: по величине и качеству содержимого это были поистине королевские сухпайки. Да что там королевские — пайки, надо прямо сказать, были генеральские, не иначе! И всё это гастрономическое великолепие было приказано уничтожить на месте, в кузове грузовика, походя, под дружное чавканье десятка голод-

ных ртов. А рот солдата по определению не может быть другим, когда сосед уплетает то же самое и некому удивлённо присвистнуть: «Ну ты, Вань, сила, ну ты добытчик!»

В какой-то момент, судя по зыркающим глазам, всем одновременно пришла одна и та же мысль: «Зачахать хотя бы шоколад!» Кто-то мечтал отослать младшим братьям и сёстрам, кто-то планировал обмен. И эта общая мысль, вероятно, достигла такой концентрации, что незамедлительно была перехвачена капитаном. Иначе как объяснить его голову, показавшуюся над бортом грузовика только для того, чтобы припечатать: «Съесть всё!»

Капитан не угрожал и не повышал тона, но какое-то время вдоль колонны были слышны только шелест разворачиваемых обёрток и непередаваемые стоны блаженства и сожаления о столь неэффективном использовании ценного ресурса.

Курсанты ошиблись: уже через полчаса стройная «коробка» ста слушателей кратких курсов усовершенствования сержантского состава стояла ровной шеренгой на плацу.

Плац. Если мозгом части можно назвать штаб, то плац, несомненно, её сердце. Тут встречаются и прощаются, наказывают и награждают. С плаца уходят навсегда и возвращаются после недолгой разлуки.

Плац тоже был странный — не натоптанный, что ли. Каждый из курсантов не раз и сам стоял или маршировал в местах, подобных этому. И «сердце» этой части было немного другим, жило, подчиняясь другим законам, работало в другом ритме, неуловимо цепляющем своей чуждостью. Хотя спроси любого — и никто не смог бы ответить, чем этот плац отличается от десятков других, которые приходилось уютжить сапогами раньше. Аура? Может быть. Но

слов, подобных этому, ещё нет в лексиконе жителей сороковых годов XX века. И уж точно нет в данной локалии.

А потом про них просто забыли. Нет, началось-то всё как обычно. Капитан снял шинель, остался в гимнастёрке без знаков отличия, но с двумя красными поперечными полосами на рукавах и, улыбаясь чему-то своему, выдал речь:

— Товарищи бойцы! На данный момент вы все являетесь кандидатами в слушатели краткого курса усовершенствования сержантского состава. Преподавать дисциплины вам будут инструкторы — один красный шеврон на рукаве. И товарищи старшие инструкторы — два красных шеврона на рукаве. Слушай приказ! Равняйся! Смирно! Вольно! Сейчас начальник курсов освободится и подойдёт к вам.

На этом капитан или, точнее, инструктор счёл свою миссию выполненной и удалился. В зоне видимости будущих курсантов остались лишь два парня из хозобслужки, которые с видимой ленцой и долгими перерывами кололи дрова.

Через час-полтора стояния и перешёптываний почти одновременно произошло два события. Первое осталось незамеченным курсантами и заключалось в том, что Иван, чувствуя, как ноги стали подмерзать, начал притоптывать с пожеланием «да чтоб вам провалиться всем». А вот второе заметили все: на крыльцо вышла повариха. Ну а кем ещё могла быть румяная, пышная женщина лет сорока в застиранной гимнастёрке, фартуке и белом поварском колпаке?

Она что-то энергично выговорила двум оболтусам: слов слышно не было, но и без того было ясно, что расчихвостила их за нерадивость. Курсанты злорадно заулыбались, наблюдая за заметно ускорившимися топорами.

А затем повариха неожиданно направилась к будущим курсантам:

— Ой, родненькие, да шо же вы стоите туточки, айдайте за мной, каша-то с маслом напрела уже.

— Нельзя, мать, приказ у нас, — ответил чернявый парень, запомнившийся Ивану спором у автобуса: чернявый убеждал всех, что такие пушки уже есть на секретных складах и он сам их видел и чуть ли не стрелял. Никто ему, конечно, не поверил, но парня Иван запомнил.

— Да сколько можно стоять, товарищи! Они там про нас забыли совсем! Идём сами к начальнику! Не царские порядки, чтоб солдат на морозе держать!

Кто это выкрикнул, Иван понял сразу. Курсант обращал на себя внимание и статью, и горевшим на груди орденом Красной Звезды. Высокий, но не длинный. Породистое лицо, прямой нос с чуть заметной горбинкой, волевой подбородок, чётко очерченные губы. Видно было, что в нём есть частичка восточной, возможно, грузинской крови, и оба родителя дали ему лучшее.

Старший сержант сразу располагал к себе, о таких говорят «рубаха-парень, свой в доску». В автобусе ехало несколько орденосцев, но за короткую поездку он уже стал душой компании и их несомненным лидером. Даже голосом природа наделила его со всей щедростью: густой баритон необыкновенного оттенка запоминался с первого раза.

Иван не удивился: шёпоток недовольства уже некоторое время ходил по правому флангу, креп, переходя от бойца к бойцу.

— Айда, братцы! Найдём начальство, они там кашу трескают, а мы мёрзнем!

Слова поварихи, как катализатор, усилили недовольство, переведя скрытое бурчание в действие. На

правом фланге красавец старший сержант решительно сломал строй, и, не оглядываясь, двинул к входу в аккуратное каменное двухэтажное здание, напротив которого и были выстроены прибывшие. За ним устремились с десяток человек из числа стоявших там же.

Кашу, как же. Шоколад! Вот что они там трескают! Тело обладателя значка «Ворошиловский стрелок» дёрнулось и замерло. В мозгу щёлкнуло: «Шоколад». И побежали образы, сменяющие друг друга: вот они находят плитки у себя в пайках, а ведь шоколад выдают подводникам в море! Радостные, не верящие своему счастью... Капитан, накормивший их за десять минут до приезда, снова капитан, который уже инструктор, «Слушай приказ! Смирно!» Непонятно как оказавшаяся в этом ряду рожа бывшего соседа по коммуналке Яшки Рябого. «Вписка! Вписка!» — непонятно к чему верещала Яшкина рожа.

Появился Яшка из ниоткуда, показал бумагу на вселение и занял бывшую комнату деда Игната. Называл он себя Яшка Фартовый и был кумиром местной шпаны, пока однажды ему не навалили его же дружки. Иван тогда мало что понял из их объяснений про воровскую честь и понятия, но выходило так, что врать тому, с кем живёшь, нехорошо, и никакой он не фартовый вор, а так, мальчик принеси-подай. А почему Рябой, так это скажет каждый, взглянув на Яшкино побитое оспинами лицо. Вскоре он пропал, но, будучи ещё в статусе кумира, успел рассказать малолетней пацанве про вписку. В переводе на человеческий язык это испытание, которое устраивается новоприбывшим.

«То есть вовсе про нас не забыли, а очень даже заранее покормили, чтобы мы постояли несколько часов на несильном морозце», — наконец оформились в Ивановой голове беспорядочные образы.

Ощувив себя если не гигантом мысли и отцом русской демократии, то бдительным разведчиком, разгадавшим коварные планы супостата, младший сержант даже расправил плечи и только сейчас заметил, что последние фигурки решивших идти разбираться скрылись в доме. Иван почувствовал укол совести: как-то не по-комсомольски это — не предупредить ребят. Но предупреждать уже было некого: оппозиция скрылась, а стоящие рядом товарищи не выражали намерения куда-то идти.

Стоять стало значительно легче, и сержант занялся подсчётом, сколько же им осталось тут торчать. Повариха незаметно ушла, забрав с собой кольчи́ков дров. Парни дружно топали, и эти глухие звуки даже создавали некий уют. По всему выходило, что время к четырём часам; в январе темнеет быстро, значит, накинём час, ну максимум два. Нужно же ещё всех оформить, развести по казармам, выдать вещевое, накормить, в идеале и баньку бы. А чего б и не пометчать после шоколада? Губы Ивана непроизвольно растягивались в довольную улыбку.

Наивный рязанский парень Иван Жуков ещё не знал, что к концу первой недели курсанты с чьей-то лёгкой руки назовут это место копильней.

Пока младший сержант Жуков предавался мечтам и ждал милостей от природы, старший сержант Пётр Даданин двинулся ковать своё счастье в кабинете начальника курсов. Нужно сказать, старший сержант был прекрасным младшим командиром — смелым, инициативным, заботящимся о своих подчинённых и, более того, неплохим учителем. Отделение под его командованием было прекрасно подготовленным, спаянным коллективом.

Орден он получил за личную храбрость в Польше. В районе городка Шацка на КП одного из батальонов 52-й СД неожиданно выскочила группа польских военных, ещё продолжающих бои с частями Красной армии. Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон, численное преимущество было за поляками, дело могло обернуться скверно, но красноармеец Даданин, первым оценив обстановку, прижал поляков пулемётным огнём. Штабисты успели вооружиться и залечь. Понимая, что время на стороне Советов, польская группа предпочла отступить. Кроме Звезды пулемётчик получил ефрейторскую полосу на петлицы и репутацию смелого, грамотного бойца.

И сейчас им двигало чувство справедливости и забота о других бойцах, которых он в силу характера уже включил в группу своих подчинённых. Получив шикарный паёк и простояв на плацу больше часа, Пётр сделал выводы, разительно отличавшиеся от Ивановых. Обласканный любовью не только подчинённых, но и девушек (из-за которых он, собственно, сюда и попал), пользующийся заслуженным уважением командиров части старший сержант, орденоседец и харизматичный лидер (а Пётр Даданин был именно таким), он не мог и подумать, что для зачисления недостаточно одного его, Петра, желания.

Вывод очевиден: командиры зажрались! Непонятно каким образом они пробили такой паёк бойцам, но, выходит, сами жируют, краёв не видя. Да взять хотя бы новую, с иголки, зимнюю форму, которую им выдали в месте сбора. Начальник курсов наверняка попал сюда по блату, он и договорился, чтоб к нему прислали уже опытных, понюхавших службу сержантов, которых и учить-то ничему не надо. А сам сейчас жрёт и запивает, какое ему дело